

Альфред Гарриевич Шнитке: Рок в XXI веке будет считаться опереттой

В Большом зале Московской консерватории шла репетиция авторского вечера Альфреда Шнитке. Концерт состоится вечером, а звукозапись для телевидения делается обычно заранее — днем. Запись «не шла». Не получался то один, то другой музыкальный переход, а когда получался — не вовремя скрипел пол, и все приходилось начинать сначала. Исполнители нервничали, искали на сцене «тихие» места, пробовали записывать отрывками.

Зрителей не было. Они придут вечером, когда и будет праздник, а сейчас — черновая работа.

На последнем ряду в одиночестве молча сидел Альфред Шнитке. Он редко вмешивался в репетицию и был очень похож на задумчивую нахохлившуюся грустную птичку, которая вот-вот расправит крылья и вылетит на простор.

Я знал, что подходить с вопросами к нему сейчас не время. Знал, что Шнитке очень слаб после двух перенесенных инсультов и в Москве дал только одно коротенькое интервью для телевидения. Но во время очередного перерыва я вдруг отчетливо осознал, что такой возможности может и не представиться, вопросы, которые нужно задать мастеру, так и останутся навсегда без ответа, а я всю жизнь буду жалеть об этой упущенной возможности...

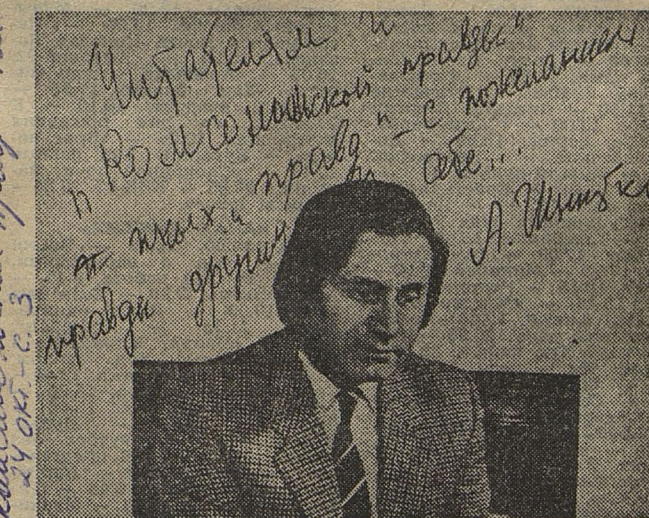
— Альфред Гарриевич, в России вы теперь проездом — из Германии в Японию...

— В Токио 27 октября я должен получить Имперскую премию, присужденную мне Японской ассоциацией искусств. Это одна из самых престижных музыкальных премий, ее еще называют дополнением к Нобелевской премии. До меня ее получали Пьер Булер, Лигети, Бернштайн...

— Какие чувства испытываете вы, приехав в Россию после большого перерыва?

— Я не был здесь более полутора лет, и ощущение очень странное — я вновь привыкаю к тому, что знал всю жизнь.

— Ваши произведения так мало исполнялись, концерты отменялись в последний момент, а премьеры на родине нередко проходили в музыкальных провинциях. Вспомнить можно хотя бы фестиваль в 1989 году в Горьком — семь ваших полных концертов, — на которые не допустили телевизионщиков из Би-Би-Си, снимающих о вас фильм. Не осталось ли у вас

обид на российских чиновников от музыки?

— Что же я буду на них обижаться? Жизнь всегда складывается не идеально, и к этому надо спокойно относиться. Надо привыкнуть и к тому, что все человеческие проблемы никогда не будут решены. Оглядываясь назад, я ни о чем не жалею. В какой-то момент, когда стало особенно тяжело, я ушел в кинематограф.

— Вы написали музыку к прекрасным фильмам, и от нее не в последнюю очередь зависел их успех, но что дала работа в кино вам?

— В кинематографе я мог погибнуть как серьезный музыкант, но, слава Богу, им остался. Работа и общение с Ларисой Шепитько, Элемом Климовым, Александром Миттой очень помогли мне. Сочиняя музыку к фильмам, я часто сочинял ее в стиле предыдущих эпох. Это обогащает: таким образом, я приспособился работать...

— Почему музыка, к которой мы испытываем самую большую привязанность, написана в XIX веке? Может быть, потом что-то важное стало исчезать из музыки?

— Время не только кажется уходящим, оно действительно уходит, но ведь каждое время хорошо по-своему. Хорошая музыка была не только в XIX веке, но и в XVIII. Когда-то такой же ностальгически хорошей будет казаться и музыка XX века... Меняется эпоха — меняются ритмы. Сейчас музыкальным языком XVIII века невозможно написать живое произведение. Конечно, можно писать современным языком, придавая его интонациям архаические наклонности. Но это неизбежно влечет за собой парадоксаль-

ность музыкальной логики. Мне давно хотелось найти универсальный музыкальный язык, который сможет совместить классическую простоту музыки со всей сложностью нынешнего мира.

— Сейчас много спорят о делении искусства на элитарное и массовое, а есть ли оно, на ваш взгляд, вообще?

— Я очень много об этом думаю. У каждого времени были свои разделения, и это не окончательно. Все разделения очень условны, и то, что сегодня считается элитарным, через десятилетия вполне может стать массовым — и наоборот.

— Как вы думаете, прививается ли интерес к классической музыке с детства или он может проявиться в юности или даже в зрелом возрасте?

— Мне кажется, интерес воспитать вообще невозможно, он или есть, или его нет. Интерес существует только благодаря человеку, но никак не благодаря условиям. Конечно, образовывать можно любого человека, но это совсем другое. Истоки подлинного интереса необъяснимы, это — тайна...

Я могу сослаться на себя. Впервые я начал слушать музыку в 12 лет, до этого ею совершенно не интересовался. До этого я жил в городе Энгельсе Саратовской области, а в 12 лет наша семья переехала в Вену на место нового назначения отца (он был военным переводчиком). Не могу ничего объяснить, но в роду у меня музыкантов не было, родители занимались только языками, а я был первый «выродок»...

— Что же оказало в детстве на вас наибольшее влияние?

Культура с приставкой принадлежали и Шнитке ретение нашего века. проще: культура либо да мы пойдем эту прос можно, станем безмерн своей сообразительност

— Видимо, равнозначное влияние двух культур — немецкой и русской. Оба языка для меня родные, и я легко живу как в России, так и в Германии.

— Какие композиторы прошлого и настоящего вам особенно близки?

— Прежде всего Бах, Бетховен и Моцарт. К ним я отношусь с наибольшим почтением и о сравнении с ними не могу даже мечтать. Из более поздних наиболее близки мне композиторы новой венской школы: Арнольд Шёнберг, Антон ван Гейбе, Альфред Шнитке. Особняком стоят Густав Малер и Чарльз Айвз.

— Согласны ли вы со знаменитой фразой Достоевского «Красота спасет мир»?

— Я с большим сомнением отношусь к любым красивым фразам, даже к тем, которые произнес Достоевский. Однако это мой самый любимый писатель, точнее, один из любимых, и его романы я перечитываю очень часто.

— Ваша жена рассказала, что утром прошлого августа, когда она зашла к вам в личную палату, вы смотрели телевизор и плакали.

— Перед этим у меня был тяжелейший инсульт, но случившееся 19 августа стало большим ударом. Понимаете, я живу как бы в своем микромире, и все же реагирую — на такие важные события, хотя по-своему...

— Как вы относитесь к интересам современной молодежи: к джазу, рок- и поп-музыке?

— Интересы молодежи всегда были другими, чем у предшествующего поколения. Сто лет назад молодежь начала интересоваться опереттой, для старших это выглядело дико, а ныне оперетта считается классическим жанром. Я думаю, то же когда-то неизбежно произойдет с джазом и рок-музыкой. Эти направления станут классикой, а появятся новые, и опять старшие будут воспринимать увлечения молодежи в штыки...

А. БЕЛЫЙ.